

Нами выявлен и ряд более частных закономерностей семантики озерной гидронимии. Так, например, из всех свойств воды, которые положены в основу номинации, чаще всего избирается цвет и вкус. В 1-м случае частотны 3 модели: *белый*, *черный*, *светлый* при малой частотности модели *темный*. Во 2-м случае в основу номинации чаще кладется признак "непригодность озера для хозяйственного использования" (модели *горький*, *соленый*, *кислый*).

Активно используется признак наличия или отсутствия растительности вблизи озера или в озере. Например, "основными" породами деревьев являются сосна, ель, береза (растения, типичные для данной территории). Внутри семантического типа "животный мир" частотны модели, связанные с водоплавающей птицей, гнездящейся на берегах озер, и модели, отображающие "рыбные запасы" озер (чаще всего это места охотничьего и рыболовного промысла).

Анализ лексем, которые функционируют в названиях озер, позволяет ответить на вопрос, как называют и как не называют озера. Из 1498 проанализированных лимнонимов 69 % отражают признак самого объекта, 18 % – связь объекта с другими объектами, 9 % – связь объекта с человеком, 4 % названий озер имеют затемненную семантику.

Такая картина подтверждает тенденцию отражения в названиях естественных объектов, прежде всего, физико-географических реалий и явлений природы, что характерно для мышления и синкретичного мировосприятия человека.

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
2. Ср.: "Плоскими называются неглубокие озера с ровным дном, постепенно углубляющимся к центру озера" (Фомин А. А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья).
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т., 6 кн. / Над рэд. К. К. Атраковіча. Мінск, 1977.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986–1987.

В. Д. Стариченок (Минск)

ЭКЗИСТЕНЦИЯ И МЕТАФОРА

Экзистенция (лат. *exsistētia*) является одним из ключевых понятий философии и теологии. Она получает свое выражение в категориях бытия и существования, которые дифференцируются по временному, пространственному и семантическому признакам. В бытии существует нечто непреходящее, вечное, а в существовании – преходя-

щее, начинающееся в какой-либо конкретный момент в определенной координате пространства и длящееся обозримый отрезок времени.

Представители экзистенциализма считают бытие природным, социальным окружением человека, а существование – внутренним миром человека, его индивидуальным "я". Причем это существование страдающее, бесперспективное, окруженное миром враждебных вселенной и равнодушных людей. Мы считаем этот вид существования частным проявлением экзистенции, которая в целом охватывает все многообразие жизни человека в его тесной взаимосвязи и единении с другими людьми и окружающей действительностью.

Носители языка через призму сознания и путем собственного жизненного опыта (осознанно или подсознательно) соотносят различные проявления объективного мира и его изменения во времени с состоянием и жизнедеятельностью человека. "Гностические" нейроны мозга формируют ассоциативные структуры (поля, кванты, суперсети), трансформируя простейшие акты восприятия в образы, своеобразные когнитивные модели. Они зависят от способа мышления человека и познания им действительности и в определенной степени являются первичными по отношению к речи и письменности. Языковая (речевая) метафора в этом плане вторична, ибо отражает и закрепляет в языке различные образы и символы экзистенции. При этом, конечно, не отрицается обратная связь, когда язык способствует выявлению новых ассоциаций и взаимосвязей, нахождению общих свойств и аналогий в объективной реальности.

Учитывая, что реальные образы (ассоциативные связи) и языковые образы в своем большинстве состоят не из набора, суммы элементарных восприятий, а являются крекинговыми, целостными понятиями, их можно представить в виде гештальтов (нем. *Gestalt* ‘образ’). Экзистенцию человека в целом, абстрагированную от конкретных реализаций и отражающую общие свойства и качества человека, можно признать наиболее общим, глобальным гештальтом, или (по аналогии с инвариантом) ингештальтом.

Конкретная реализация ингештальта осуществляется в виде отдельных гештальтов, в той или иной степени акцентирующих внимание на тех или иных аспектах человеческого бытия. В языке гештальты репрезентируются как в виде научных или другого рода описаний, так и в виде образов и символов, основанных на метафоре. Такого рода метафора-гештальт представляет экзистенцию человека не с точки зрения его строения, морфологии, а целостно, в комплексе с психиче-

ским состоянием человека, его темпераментом, эмоциями, особенностями восприятия мира и т. д.

Ассоциации жизни человека с изменяющимися во времени и пространстве реалиями считаются традиционными. В ряду таких реалий лидируют *вода* и *дорога*. Отождествление жизненной экзистенции и воды, в которую, как известно, дважды войти невозможно, является наиболее древним. Внимание в них акцентируется на текучести, стремительности, быстротечности реки жизни. Широко представлены в фольклоре и мифологии такие ассоциации отражающиеся в языковых выражениях типа *река* (*океан*, *ручей*) *жизни*, *жизненное море*, *жизненный водоворот*, *струя судьбы*. Субстантивы *дорога*, *тропа*, *колея*, *путь*, употребленные в значении ‘жизненный путь’, считаются метафорами-символами. К ним близки ассоциации жизненного пути с транспортными средствами, подчеркивающие в одних случаях стремительность, краткосрочность, в других – предначертанность человеческого бытия (*экспресс*, *воз*, *телега*, *корабль*, *лодка*, *челнок жизни*).

Выражение Сенеки Младшего “Жизнь как пьеса в театре: важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна” могло бы стать эпиграфом к группе метафор с исходным значением театральных и цирковых атрибутов. В них актуализируются семы ‘открытость’, ‘визуальность’, ‘внешний эффект’ (*сцена жизни*, *на жизненной авансцене*, *арена жизни*, *зрелище*, *школа жизни*).

Жизнь человека, как известно, слагается не только из солнечных и счастливых дней. Трудности в определенной степени закаливают человека, открывают в его характере неизвестные ранее силы. Тяжелые жизненные испытания, искудчи, с которыми приходится встречаться человеку, типично ассоциируются с бурным, часто стихийным проявлением природных явлений. Субстантивы *ураган*, *буря*, *гроза*, *вихрь*, *стихия*, характеризующие такое состояние человека, усложняются семами ‘интенсивность’, ‘бурность проявления’. Сложную, часто бесыходную обстановку, в которой может оказаться каждый человек, образно воспроизводят переносные лексико-семантические варианты полисемантов *пучина*, *трясина*, *тина*, *дно*, *омут*, *туник*.

Жизненный путь человека, его протекание во времени, начиная с рождения и завершающая смертью, можно продемонстрировать в виде условной гештальтовой линии, отдельные точки на которой (метафоры-гештальты) репрезентируют частные фазы поступательного развития экзистенции в направлении к угасанию или, возможно, к превращению в другую ипостась. На этой гештальтовой линии более-менее

рельефно выделяются такие смысловые центры, как рождение человека, его детство, юность (молодость), зрелость, старость и смерть.

Рождение человека – это своеобразный жизненный *старт*, детство – *рассвет, заря, утро* нового дня, пора расцвета, молодости – это, конечно, *весна*. Жизненная зрелость, когда человек "осуществился", воспитал детей и уже не ждет от жизни коренных изменений, – это *вечер жизни, осень*. Говорят, что любой период жизни интересен. Не является исключением и мудрая старость (*суровая зима жизни, ночь, закат*), когда человек подводит итоги своего бытия, земной жизни и в большей степени живет не будущим, а воспоминаниями о прошлом.

Смерть ассоциируется у многих с *косой, топором, с жатвой*, а также с *финишем, финалом* жизненного *кросса*. Но никто и ничто, говорят философы, не исчезает бесследно. Все и вся просто переходят в другую материю, экзистенцию, другое измерение, которое человек пока не познал. А значит, жизнь человека после его физической смерти продолжается в другой субстанции. Такова философия экзистенции человека, многообразные формы которой получают выражение в виде метафор-гештальтов, указывающих на тесную связь человека со всей вселенной.

Сунь Кээнь (Китай)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСПРЕССИВНОЙ ФУНКЦИИ ВРЕМЕНИ И ОТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Русский язык относится к типичным комплексным языкам, отличительной чертой которых является использование морфологических изменений для выражения грамматической связи. Китайский язык – типичный аналитический язык. Самыми главными грамматическими средствами китайского языка являются, во-первых, порядок слов и, во-вторых, использование служебных слов. В китайском языке нет морфологических изменений в буквальном смысле, т. е. глагольные формы китайского языка не изменяются ни при каких условиях, несмотря на различия во времени, лице, роде, числе.

Категория времени глагола выражает отношение действия к моменту речи. В русском языке 3 времени (настоящее, прошедшее и будущее), а форм времени – 5, т. к. категория времени связана с категорией вида. Глаголы несовершенного вида имеют 3 формы времени: настоящего, прошедшего и будущего сложного (*читаю, читал, буду читать*). Глаголы совершенного вида – 2 формы: прошедшего и бу-